

ПРОЛОГ

Меня зовут Лиззи Уэллетт, и если вы это читаете, я уже мертва.

На том свете, усопшая, ушедшая. Новоиспеченный ангел в руках моего бога, если вы в такое верите, или же свежая груда корма для червей, если нет.

Я не знаю во что верю я.

И не знаю, чему я удивляюсь.

Хоть это точно не было моим решением и таким способом уходить я не хотела. Сначала плакать, видя направленное на тебя оружие, а потом быть стертой, уничтоженной ломающим кости «БАХ». Раздробленные зубы, измельченный язык, горячее жаркое из крови и мозгов, вскипающее сквозь то, что было лицом.

Но как и многие вещи, которых я не хотела, это все равно случилось.

Самое смешное: некоторые скажут, что я это заслужила. Может быть не сразу и не так открыто. Но дайте им время. В один из дней, через месяц или два, у кого-то вырвется. В «Стренглерс», в тот магический час, когда выпивка придает смелости, перед тем как неоновая вывеска «Будвайзера» отключится на ночь и загорятся эти

флуоресцентные лампы, смахивающие на взгляд смерти, чтобы бармен мог видеть, какой бардак посетители оставили после себя, и вытереть липкий пол. Один из постоянных посетителей проглотит остатки своего пятого, седьмого или семнадцатого пива, встанет на нетвердых ногах, подтянет свои растянутые штаны и скажет: «Я все же не люблю плохо говорить о мертвых, но черт с ним — так ей и надо!»

А потом он отрыгнет и поплетется в туалет, чтобы расплескать плохо нацеленную мочу везде, только не в унитаза. И даже не взглянет в сторону раковины по дороге к выходу, хотя он целый день марал руки в пыли и грязи. Старик с пятнами на штанах, грязью под ногтями, топографической картой лопнувших капилляров, растянувшейся на его клубнично-красном круглом носу, может, даже с женой дома, носящей пожелтевший фингал под глазом недельной давности — с последнего раза, когда он ее поколотил, — ну конечно, он работяга. Герой своего городка. Бьющееся сердце Коппер Фолз.

А Лиззи Уэллетт, девушка, начавшая свою жизнь на свалке и закончившая в сосновой коробке, не дожив до тридцати? Я мусор, который этому городку нужно было вынести много лет назад.

Таково это место. Таким было всегда.

Поэтому вот так они будут говорить обо мне, когда пройдет достаточно времени. Когда они будут знать, что я остыла в земле или сожжена в пепел и рассеяна по ветру. Не важно, как ужасно и трагически я погибла, укоренившиеся привычки умирают дольше. Люди не могут вечно смягчать свои удары, особенно если речь идет об их любимой мишени, даже если она больше не двигается.

Но эта часть будет позже.

Никто не будет по ней скучать

Сейчас люди будут немного добрее. Немного мягче. И немного осторожнее, потому что смерть пришла в Коппер Фолз, а со смертью приходят чужаки. Не пристало говорить правду, когда не знаешь, кто может услышать. Поэтому они будут сжимать руки, качать головами и говорить что-то вроде: «Эта бедная девочка была проблемной с рождения», и в их голосах будет звучать искреннее сожаление. Словно у меня был выбор. Словно я создавала проблемы еще из материнского лона, чтобы они подхватили меня, когда я выбралась наружу, окутанная липкой паутиной, и никогда не отпустили.

Словно люди, сейчас цокающие языками и вздыхающие над моей тяжелой жизнью, не могли уберечь меня от такого количества боли, если бы только уделили немного внимания, немного сострадания девочке со свалки.

Но они могут говорить что хотят. Я знаю правду, и в кои-то веки у меня нет поводов ее не рассказывать. Уже нет. Не с моего места — шесть футов под землей, где я наконец-то обрела покой. При жизни я не была святой, но смерть делает тебя честным. Поэтому вот мое послание из могилы, которое я хочу чтобы вы запомнили. Потому что оно будет важным. Потому что я не хочу лгать.

Они думали, что я это заслужила.

Они думали, мне лучше умереть.

И правда, которую я поняла в тот последний, ужасный момент перед тем, как с громким хлопком закончилась моя жизнь, такова:

Они были правы.

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

ОЗЕРО

Без пары минут в десять утра вторника дым с горящей свалки на Олд Лэдд-роуд начал двигаться на восток. К тому моменту свалка горела уже несколько часов. Пожар, отмеченный этой воюющей, черной и развевающейся колонной, видимой на мили вокруг, был неуправляемым — но теперь колонна превратилась во фронт, толкаемый усиливающимся ветром. Дымчатые кончики ее ядовитых пальцев прокрались по дороге, просочились сквозь деревья к озеру и прибрежной полосе, и тогда шериф Деннис Райан отправил своего заместителя, Майлса Джонсона, эвакуировать дома. Конечно, ожидая, что они окажутся пустыми. День труда прошел месяц назад, а с ним и туристический сезон, каким бы он ни был. Ночи теперь были длиннее и холоднее, пропитанные обещанием ранних морозов. В прошлые выходные над домами виднелись милые завитушки дымка от маленьких костров, разжигаемых людьми, чтобы отогнать вечернюю прохладу.

На озере было тихо. Ни жужжания моторов, ни воплей детей. Ничего, кроме шуршания ветра, музыкаль-

ного журчания воды под деревянными причалами и отдаленного крика одинокой гагары. В то утро заместитель шерифа постучался в шесть домов, пустых, запертых и со свободными от машин подъездными дорожками, пока подготовленная им речь о приказе к эвакуации не умерла за ненадобностью. Оставалось только два дома, когда он подъехал к тринадцатому, рефлекторно закатив глаза при виде начертанного баллончиком имени на почтовом ящике. На мгновение он даже подумал, не пропустить ли этот, потому что пожар на свалке Эрла Уэллетта это хорошее начало, но будет замечательным концом, если его дочь удавится пеплом от него. Всего на мгновение, конечно — в этом он будет убеждать себя позже, топя день в бутылке «Джеймсона», напиваясь, чтобы притупить воспоминания об увиденных ужасах. На долю секунды. Всего лишь всплеск на ментальном радаре, и это уж точно не считается, бога ради. Случившееся с Лиззи произошло за несколько часов до того, как он даже узнал, что пройдет по этой прибрежной подъездной дорожке, а значит, это не могло быть его виной, сколько бы тоненький виноватый голосок у него в голове ни говорил об обратном. Когда он постучал, она уже была мертва.

Кроме того, он правда постучал. Он гордился своей работой и значком. Пропустить дом Уэллеттов было просто мелочным импульсом, старой обидой, напоминавшей ему о своем существовании; он бы не поддался этому. И к тому же он понял, глядя на почтовый ящик, что нужно было еще подумать о Дуэйне. Лиззи могла быть в доме не одна — а может, ее вообще там не было. Пара часто сдавала дом в странное время. Если и был человек, склонный пренебречь правилами и позволить людям жить в доме не в сезон, просто чтобы выжать еще немно-

го денег из года, это Лиззи Уэллетт. Возможно внутри городские с дорогами адвокатами, надышавшиеся ядовитыми парами, и теперь все они окажутся по уши в дерьме.

Поэтому он свернул на пустую дорожку у Лейксайд Драйв 13, вышел из машины, ступив на толстое одеяло сосновых иголок, источавших запах под его ногами. Он постучал в дверь, готовясь говорить привычные слова «пожар», «опасность» и «эвакуация», но резко отступил, когда от первого удара дверь распахнулась внутрь. Она была незаперта.

Сдавать дом чужакам не в сезон было похоже на Лиззи Уэллетт.

Но оставлять дверь открытой — нет.

Джонсон переступил порог, держа руку на бедре и отщелкивая предохранитель на оружии большим пальцем. Позже он говорил парням в «Стренглерс», что с самого момента, как вошел в дом, он почуял неладное — выдавая это за какое-то шестое чувство, но по правде говоря, любой из них понял бы. Воздух в доме был странным, не настолько плохим, чтобы сбить тебя с ног, но затхлым и пронизанным слабыми, болезненными нотками чего-то, начинающего гнить. И это еще не все. Там была кровь: в дюймах от его ног простиралась дорожка густых круглых пятен на узловатом сосновом полу. Темно-красные, все еще блестящие капли огибали угол чугунной печи, рассеивались на кухонной столешнице и заканчивались пятном на краю металлической раковины.

Он подошел к ней, заинтригованный.

Это было его первой ошибкой.

Ему нужно было остановиться. Ему нужно было обдумать — что кровавый след, кончающийся в кухонной

раковине, должен иметь начало, которое нужно исследовать прежде всего. Что он увидел более, чем достаточно, чтобы понять — что-то не так — и ему стоит сообщить об этом и подождать указаний. Что ему не стоит, ради всего святого, ни к чему прикасаться.

Но Майлса Джонсона всегда охватывало любопытство, вытесняющее осторожность на задний план. Большую часть жизни это было ему на руку. Восемнадцать лет назад, будучи новеньким в городе, он мгновенно заслужил уважение сверстников, протестировав древнюю, полную узлов тарзанку, висевшую в северной части лесов на озере Коппербрук, схватившись и прыгнув в пустоту без колебаний, пока остальные мальчики задержали дыхание в ожидании, что она порвется. Он как-то прополз под дом, чтобы отыскать обосновавшуюся там семью опоссумов, а еще он подошел к древнему клерку на почте и спросил, почему у того не хватает глаза. Майлс Джонсон принимал любой вызов, исследовал любое темное место, и до того утра жизнь не давала ему причин этого не делать. Молодой полицейский, стоявший в то утро в домике на озере, был не просто любознательным авантюристом, но и оптимистом, поддерживаемым бессознательной уверенностью, что с ним ничего плохого не случится просто потому, что раньше не случалось.

А свежие капли крови, тот зловещий след на раковине представляли слишком завораживающую загадку, чтобы отступить от нее. Он двинулся вперед, обходя кровь на полу, не сводя глаз с беспорядка в раковине — потому что там был беспорядок, о, да, и след был мелочью в сравнении. Подойдя ближе, он увидел: это не просто кровь, но и мясо, разбрызганные куски, осколки и хрящи. Из темной дырки измельчителя мусора выглядыва-

ло что-то розовое, влажное и волокнистое, а пахло как у мясника. И когда Джонсон посмотрел на это, протянул к этому руку, он ощутил первое шевеление беспокойства в животе, почувствовал незнакомый шепот нового, странного голоса, говорящего: «Может, не стоит».

Но он это сделал.

Это было его второй ошибкой. Той, которую ему сложно было потом объяснить всем, от шерифа и группы криминалистов до своей жены, которая еще несколько недель не разрешала ему прикасаться к себе, как бы яростно он ни оттирал руки, — и той, которую позже он сам едва ли мог понять. Как он мог это объяснить? Что даже в те последние мгновения, когда он вытащил ту штуку из раковины, он все еще просто следовал инстинкту исследователя, всегда хорошо служившему ему. Что ему было интересно и он был уверен, что ничего плохого не случится.

Ведь никогда не случалось.

Мясистая розовая штука в раковине влажно блестела. В дальнем конце дома, в спальне рой мух ненадолго взлетел, потревоженный невидимой силой, а затем снова уселся, возвращаясь к делу — на покрывало, влажное и запятнанное красным, наброшенное на неподвижный объект на полу. Слабый запах разложения в воздухе стал на полградуса насыщеннее. И за пару минут до одиннадцати в то утро вторника, когда дым от горячей свалки начал просачиваться между домами в самой западной бухте озера Коппербрук, заместитель шерифа Майлс Джонсон засунул два пальца в измельчитель мусора и вытащил остатки носа Лиззи Уэллетт.

ГЛАВА 3

ОЗЕРО

Леса, окружающие озеро Коппербрук, когда-то были территорией лесопилки, резко закрывшейся тридцать лет назад после банкротства компании. Остались лишь осевшие скелеты старых хижин, забытые пилы — поржавевшие и поглощенные кустами черники или густыми скоплениями бальзамина. Поляны, где хранилась срубленная древесина, понемногу отбирал обратно лес, разбросанные островки кустарника и ростков раскинулись у разрытых дорог, ведущих в никуда.

Иэн Берд был неместным. Он дважды неправильно свернул на этих дорогах, прежде чем нашел съезд к набережной. Он съехал с дороги у почтового ящика, втиснувшись за фургоном группы криминалистов. Как и его, их вызвала полиция штата — как можно скорее, хоть они уже проболтались, что местные копы уже точно потоптались по всему месту преступления, портя его, засовывая свои руки без перчаток куда не следует.

Нос в измельчителе мусора. Господи Иисусе! Берд застонал вслух, подумав об этом. Это худшая ошибка, но

нельзя было не посочувствовать парню, вытащившему его. Да еще и голыми руками.

Эта маленькая сочная деталь — отрубленный нос в раковине — дошла до него по радио, пока Берд был еще в пути. А это значит, что какой-то проныра, вероятно, уже раструбил об этом по всему округу. Не то чтобы это имело значение. В таком месте и с таким делом детали всегда просачивались. Берд никогда не был в Коппербрук Фолз, но он провел достаточно времени в таких городках и знал, как это работало. Городским полицейским приходилось отбиваться от голодной прессы, чтобы удержать информацию; здесь же ты сталкивался с чем-то намного более примитивным. Люди, живущие в таких местах, будто на молекулярном уровне были замешаны в делах друг друга, делились тайнами через какое-то коллективное сознание, передавали их прямо через синапсы, как дроны, подключенные к одному гнезду. И чем сочнее новости, тем быстрее они разносились. Эта история разлетелась вдоль набережной и из одного конца городка в другой еще до того, как Берд в первый раз ошибся с поворотом.

Но, может, это неплохо. Чем больше разнесутся ужасающие подробности убийства Лиззи Уэллетт, тем сложнее мужу будет спрятаться. Даже друзья и родственники подумают дважды, прежде чем укрыть парня, отрезавшего нос своей жене... если это сделал он, конечно. Пока было слишком рано, и нужно было исследовать все возможные варианты, но у дела были все признаки домашнего скандала — чего-то глубоко, жутко личного. Недостающие кусочки пазла говорили о том же: отсутствие признаков взлома или пропажи чего-то ценного. И конечно, дело было в изуродованном лице женщины. Бер-

ду однажды довелось видеть подобное варварство, только в тот раз было два тела: убийство с самоубийством, муж с женой бок о бок. Мужчина зарубил ее топором, оставив пулю себе. Такой конец был лучше, чем он заслуживал, а место преступления было раздражающим хаосом для криминалистов. Они неделями опрашивали друзей, родных и соседей, пытаясь выяснить причину. Все говорили только, что они казались счастливыми или достаточно счастливыми.

Берд задумался, казались ли Лиззи Уэллетт и Дуэйн Кливс достаточно счастливыми.

Если им повезет, они поймают Кливса вовремя, чтобы спросить его об этом.

Берд допил остатки кофе, оставив стаканчик на приборную панель, и вышел из машины. Ветер сменил направление, теперь неся дым от горящей свалки на север над озером, но остатки едкой вони еще висели в воздухе. Он не спеша прошел по подъездной дорожке, оглядываясь — дом, приютившийся между соснами, появляющийся за последним изгибом дороги. За ним блестяло озеро, подернутое рябью от ветра. Помимо шелеста деревьев слышался тихий плеск волн, ударяющих о сторону причала. Звук легко разносился по округе. В тихую ночь крик можно было бы услышать с другой стороны озера, если кто-то слушал бы. Но прошлой ночью каждый дом в зоне слышимости пустовал. Никаких свидетелей. Что делало убийцу либо очень везучим, либо... очень местным.

Берд знал, на какой из двух вариантов поставил бы деньги.

Слегка позеленевший Майлс Джонсон ждал у двери. При виде удостоверения Берда он отступил в сторону

и указал по коридору туда, где полдюжины людей толпились на пороге спальни. Берд узнал местных полицейских по их обеспокоенным взглядам — это было им не по зубам, но они все еще не рады были видеть незнакомца среди них.

Останки Лиззи Уэллетт лежали на полу возле кровати. Один из криминалистов подвинулся, когда Берд заглянул в дверной проем, открывая ему вид на труп. Выступающая бедренная кость с туго натянутым красным низом купальника, обнаженное плечо, где футболка съехала в сторону, слипшиеся от крови волосы. Много крови — он видел брызги на ее коже и расплзающееся по ковру пятно под ней. Мухи жужжали, но червей не было. Пока что. Она здесь не так давно.

Берд оглядел пространство возле кровати, отмечая скомканное покрывало на полу. Снова кровь. Покрывало запятнано, но не пропитано насквозь.

— Она была под ним, — сказал кто-то, и Берд повернулся к молодому заместителю шерифа, пропустившему его в дом, — теперь тот стоял позади него, почти задевая широкими плечами стены узкого коридора. Он вертел в руках кухонное полотенце, сжимая его так сильно, что белели костяшки.

Парень с носом.

— Значит, вы нашли тело?

— Ага. Ну, я не знал, когда поднимал покрывало, я думал, вдруг она, знаете, еще жива или...

— Жива, — сказал Берд. — Это было после того, как вы нашли ее нос в раковине? Он все еще там?

Джонсон покачал головой, когда одна из криминалистов вышла из спальни, по пути указывая дальше по коридору.

Никто не будет по ней скучать

— Он его уронил, — сказала она. — Мы его упаковали. Ничего особенного.

Берд снова повернулся к Джонсону.

— Ладно. Ничего. Расскажите, что вы видели.

— Я пошел за кровью, — поморщился Джонсон. — Из кухни был след, после того как я нашел... вы поняли. И я увидел покрывало, еще больше крови. Я видел, что под ним кто-то есть. Я стащил его. Увидел ее. И все. Я не пытался — то есть когда я ее увидел, я понял, что она мертва.

Берд кивнул:

— Значит, он накрыл ее, прежде чем уйти.

— Он? Вы имеете в виду... — Джонсон яростно покачал головой, сжимая полотенце. — Нет. Дуэйн бы не стал...

— Да? — Берд прищурился, услышав, как полицейский назвал мужа по имени. — И где же тогда Дуэйн? Вы пытались ему писать? Он ответил?

Берд ощутил небольшой прилив удовлетворения, когда Джонсон покраснел. Часть с сообщениями была просто догадкой, но, очевидно, хорошей. Джонсон и муж погибшей не просто называли друг друга по имени; они были друзьями.

Шериф Райан слушал этот разговор, прислонившись к стене; теперь он шагнул вперед и положил руку на плечо Джонсона.

— Эй, это маленький городок. Мы все знаем Дуэйна, некоторые — очень давно. Но никто не пытается вам помешать. Мы хотим одного и того же, и мои люди помогут вам чем смогут. Мы уже отправили машину к их с Лиззи дому в городе. Там никого нет. У них была одна машина, «Джип Чероки», ее здесь нет, поэтому я полагаю,

что где бы Дуэйн ни был, она у него. Мы отправили описание. Если он в дороге, его рано или поздно заметят.

Берд кивнул в ответ:

— Если они жили в городе, тогда это дом для отдыха?

— Эрл — отец Лиззи — это его дом. Был. Я думаю, Лиззи забрала его себе, освежила и начала сдавать. В основном людям издалека. — Шериф замолчал, переступил с ноги на ногу, хмурясь. — Это не понравилось некоторым владельцам.

— А это что значит?

— У нас здесь тесная община. Большинство жителей с домами на Коппербрук любят все делать по знакомству. Родственники, друзья родственников. Люди, связанные с местными. Девчонка Уэллетт выставила это место на каком-то веб-сайте, чтобы его мог снять кто угодно. Как я уже сказал, это не всем понравилось. У нас были проблемы, некоторые соседи расстроились.

Берд вскинул брови, наклоняя голову в сторону спальни, крови, тела.

— Насколько расстроились?

Шериф уловил его тон и напрягся:

— Не так, как вы подумали. Я говорю, что мы не знаем тех, кто здесь оставался или чем они промышляли. Вам нужно будет это проверить.

Повисло долгое молчание, пока мужчины сверлили друг друга взглядами. Берд первый отвел глаза, проверяя свой телефон. Когда он снова заговорил, его тон смягчился:

— Я проверю все, имеющее к этому отношение, шериф. Вы упомянули отца жертвы. Он живет в городе?

— На свалке. У него там трейлер, точнее, был там. Господи, даже представить не могу... — Шериф покачал